

ОТЗВУКИ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»

В статье 1964 г. «О Чехове», ссылаясь на слова Н. Н. Страхова, Газданов утверждал, что «Достоевский был чем-то вроде соединения Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым».¹ Позднее, в 1967 г., в письме к Г. В. Адамовичу писатель снова солидаризировался с теми же словами критика: «Страхов когда-то писал, что Достоевский это смесь Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым. Если к этому прибавить Смердякова, то портрет получится еще полнее, я думаю. Все это не мешает тому, что Достоевский — один из немногих гениев в литературе и что он понял то, что не поняли и не увидели другие».² Означает ли это, что для Газданова образ Достоевского складывался из совокупности его героев (причем героев «отрицательных»)? Почему Газданов, признававший гениальность Достоевского, говоря о личности писателя, называет в основном именно таких героев? Наконец, каким образом это весьма «критическое» отношение к Достоевскому отражается в творчестве самого Газданова?

Комментаторами Газданова уже отмечалось, что в его рассказе «Черные лебеди» «фактически Достоевский приравнивается к собственному персонажу».³ В романе «Вечер у Клэр» Достоевский пародийно присутствует в образах сразу нескольких персонажей: через намеки, отсылки к его героям в романе намечен образ самого Достоевского. Слово «негодяй» впервые здесь произносит дядя Виталий: «И в результате ты окажешься в дураках. Впрочем, ты все равно окажешься в дураках (...). Непременно окажешься. Все оказываются. (<..> И я сижу в дураках, хотя предпочел бы быть в другом положении». На вопрос племянника: «А что же делать?» — Виталий резко отвечает. «Быть негодяем» (I, 110). В дальнейшем развитии повествования тема «негодяев» получает свое наглядное воплощение в целом ряде образов. Оказавшись на фронте, герой-рассказчик встречается с целой галереей «бронепоездных негодяев» (I, 130) Один из них, Валентин Александрович Воробьев, отмечен чертами сразу нескольких героев Достоевского. В частности, о нем

¹ Газданов Г О Чехове // Вопросы литературы 1993 Вып 3 С 315, впервые Новый журнал Нью-Йорк, 1964 Т 76

² Газданов Г Письмо к Г В Адамовичу от 28 сентября 1967 г // Возвращение Гайто Газданова М, 2000 С 297

³ Газданов Г Собр соч В 3 т М, 1996 Т 3 С 802 Далее ссылки на это издание (М, 1996 Т 1—3) приводятся в тексте с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы — арабской

сказано: «Как большинство пожилых уже *негодяев*, он был чрезвычайно *благообразен*» (I, 130; здесь и далее курсив мой. — Э. А.). В рассказе «Черные лебеди» эпитетом «благообразный» пользуется самоубийца Павлов. Отвечая на вопрос «молодого поэта»: «Что вы думаете о Достоевском?», — Павлов говорит: «Если бы он был немного *благообразнее*, он поступил бы на содержание к старой купчихе» (III, 138). В комментариях к рассказу «Черные лебеди» отмечено, что «благообразие» — «термин» самого Достоевского, «многократно используемый в последних романах (особенно в «Подростке»)» (III, 802).⁴

Действительно, в романе «Подросток» это слово употребляется шестнадцать раз.⁵ Смысл понятия раскрывается в эпизодах, связанных с образом Макара Ивановича. Будучи уже тяжело больным, старик произносит перед собравшимся вокруг него семейством: «И еще скажу: *благообразия* не имеют (<...>); а жить без бога — одна лишь мука. И выходит, что чем освещаемся, то самое и проклинаяем, а и сами того не ведаем» (13, 302). Фраза Макара Ивановича вызывает у Аркадия немедленный отклик: «Макар Иванович, вы опять употребили слово „*благообразие*“, а я как раз вчера и все дни этим словом мучился... да и всю жизнь мою мучился, только прежде не знал о чем» (13, 305). В трактовке Аркадия «благообразие» становится синонимом внутренней чистоты: «Прежде всего привлекало в нем (в Макаре Ивановиче. — Э. А.) (<...> его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было „веселие“ сердца, а потому и „*благообразие*“» (13, 308—309). Аркадия влечет к Макару Ивановичу: «Я вам рад.

⁴ В романе «Идиот» этот эпитет употреблен в отношении служанки матери Рогожина: «старенькая, *благообразная* служанка» (8, 495). В «Бесах» он использован применительно к Ставрогину: «Это был самый изящный джентльмен (<...>), державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному *благообразию*» (10, 37). В «Братьях Карамазовых» Зосима употребляет этот эпитет в отношении своего старшего брата Маркела: тот лицом был «весьма *благообразен*» (14, 261). В житии старца также упоминается «один *благообразный* юноша» (14, 267), птицелов, которого Зосима повстречал в юности, собирая подаяние на монастырь.

⁵ Впервые этот эпитет применен по отношению к самоубийце Крафту. После самоубийства между Аркадием и Васиным происходит разговор по поводу дневника покойного. Аркадий просит Васина припомнить последние записи из дневника. Васин вспоминает, что Крафт передумал «выпить рюмку» перед выстрелом, «побоявшись излишнего кровоизлияния», и добавляет: «Между тем факт известен, что очень многие из тех, которые в силах думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нет, весьма часто склонны заботиться о *благообразии* вида, в каком останется их труп» (13, 134). В сходном контексте эпитет «благообразный» употреблен в эпизоде смерти Макара Ивановича. Возвратившись от гроба покойного, Аркадий восхищенно говорит матери: «Какой спокойный, *благообразный* лик у него, мама!» (13, 392).

Я, может быть, вас давно ожидал. Я их никого не люблю: у них нет *благообразия*... Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду...» (13, 291). «*Благообразие*» становится для подростка некой «идеей фикс», идеалом: «...с этой минуты я ищу „*благообразия*“, а у них его нет, и за то я оставляю их» (13, 291).

Однако при этом «*благообразии*» зачастую соседствует у героев Достоевского с пороком, даже с подлостью. Вспоминая свой сон о «выкупе за документ», а также о своем «бесстыдном» желании по отношению к Катерине Николаевне, Аркадий рассуждает: «Жажда *благообразия* была в высшей мере, (...) но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждями — это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость — вот вопрос!» (13, 307). После разговора с Ламбертом о возможности женитьбы на Катерине Николаевне Аркадий рассуждает: «...при всех клятвах и обещаниях возродиться к лучшему и искать *благообразия*, я мог тогда так легко упасть и в такую грязь!» (13, 360). Версиров в разговоре с сыном утверждает: «...у нас есть дети, уже с детства задумывающиеся над своей семьей, оскорбленные *неблагообразием* отцов своих и среды своей (...), все это потому, что они слишком рано завидуют (...). Беда этим существам (...) с страстной, слишком ранней и почти мстительной жаждой *благообразия*, именно — „мстительной“» (13, 373). Бывший воспитатель Аркадия в Москве, Николай Семенович, отвечает на посланную ему героем рукопись: «Но это желание беспорядка (...) происходит (...) от затаенной жажды порядка и „*благообразия*“ (употребляю ваше слово)?» (13, 453).

У Газданова представлен пародийно сниженный вариант героя. «*Благообразие*» Воробьева заключается в том, что он «носил *пушистую бороду*, которую бережно расчесывал» (I, 130). Ранее, очерчивая круг своего детского чтения, рассказчик акцентирует внимание на портрете Достоевского в книге: «Я тогда много читал; помню *портрет Достоевского* на первом томе его сочинений. Эту книгу у меня отобрали и спрятали; но я разбил стеклянную дверцу шкафа и из множества книг вытащил именно том с *портретом*» (I, 51). В издании собрания сочинений Достоевского, о котором идет речь (I, 673), помещена гравюра В. А. Боброва (1883), на которой Достоевский изображен обладателем пресловутой «пушистой бороды». У Газданова есть еще один бородатый герой, который уже напрямую соотнесен с Достоевским. Это герой романа «Ночные дороги», сослуживец героя-рассказчика, «высокий *чернобородый* человек»; в его «*бороте* всегда застревали железные стружки, так

же как в спутанных волосах», «он вообще был похож на один из *портретов Достоевского*, который, кстати сказать, *был его любимым автором*» (I, 487). В обоих примерах, помимо явного указания на пристрастное отношение к творчеству писателя, прослеживается прямая визуализация образа Достоевского посредством отсылки к его портрету.

Если говорить о героях Достоевского, то Воробьев отмечен прежде всего чертами Федора Павловича Карамазова. Зачисление его в особый тип людей: «...тип *отъявленного мерзавца* был доведен в нем до конца» (I, 130),⁶ — возможно, аллюзия на «Братьев Карамазовых». Федор Павлович «был *странный тип*, (...) именно *тип человека не только дрянного и развратного*, но вместе с тем и бестолкового» (14, 7). Определение Воробьева как «негодяя» также не выходит за пределы языка Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» «негодяй» — характеристика, которую часто использует Иван Карамазов: трижды он называет «негодяем» Смердякова (14, 242, 244; 15, 53), один раз говорит так о Дмитрие (15, 39), один раз обращается подобным образом к черту (15, 80). Примечательно, что в «Вечере у Клэр» этим маркером отмечен целый ряд героев, так называемых «бронепоездных негодяев» (I, 130).

Параллель Воробьев—Федор Карамазов выстраивается через подчеркивание Газдановым развратности героя «Кажется, этого человека очень любили женщины, он жил со всеми служанками и подметальщицами, которые находились в его подчинении» (I, 130). У Достоевского Федор Павлович — «сладострастнейший человек», «в один миг готовый прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его поманила»; «порочный любитель лишь грубой женской красоты», «развратный человек», который «завел (...) целый гарем», а «дом свой обратил в развратный вертеп» (14, 8—13).⁷ В возрастном отношении Воробьев, «*пожилой уже негодяй*» (I, 130), также близок к Федору Павловичу.⁸ Поскольку связь между двумя этими героями достаточно явная, определенно рассчитанная на узнавание, между

⁶ В рассказе «Черные лебеди» главный герой, самоубийца Павлов, говорит о «самом существенном качестве» Достоевского, с его точки зрения он «мерзавец» (III, 138—139) Рассказ был написан вскоре после выхода в свет романа «Вечер у Клэр» (III, 801)

⁷ «Развратником, шутком и негодяем» называл Федора Павловича Карамазова и сам Газданов См *Газданов Г* (О негласной иерархии в обществе и тенденциозности в литературе) // Гайто Газданов и «незамеченное поколение» Писатель на пересечении традиций и культур М, 2005 С 238

⁸ Развратность Воробьева позволяет соотнести его и со Свидригайловым Интересно, что он тоже человек «*уже немолодой*, (...) с *густою*, светлою, почти белую *бородой*» (6, 214) Газданов также отмечает, что Воробьев «был очень *любезен в обращении*» (I, 130) О Свидригайлове сказано, что он «когда хотел, был человек с *весьма обворожительными манерами*» (6, 385)

героями не обнаруживается никаких существенных различий, здесь можно говорить о стилизации⁹

Воробьев отмечен также чертами Мармеладова Газданов отмечает в нем пристрастие к «зеленому змию» «вечерами, лежа на своей койке с побледневшим от пьянства лицом и мутными, печальными глазами» (I, 131) Ср изображение Мармеладова у Достоевского «с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки» (6, 12) Как и Достоевский, Газданов обращает внимание на глаза своего героя, в которых еще осталась доля человечности

Находясь в состоянии опьянения, и Воробьев, и Мармеладов начинают «жаловаться на жизнь» Интонации Мармеладова угадываются в излияниях Воробьева перед сослуживцами «Господи, мне бы домой, у меня жена, ребятки маленькие спрашивают где папа? < > Что я детям скажу? < > Одно вот утешение приедем в Александровск, приду к жене ночью, неожиданно Скажу заждались, милая? А я вот он» (I, 131) В монологе Мармеладова также фигурирует семья (жена и маленькие дети), дом как место, «где бы его пожалели» «О, если б она (Катерина Ивановна — Э А) пожалела меня! Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!» И далее «Детей же маленьких у нас трое < > Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше» (6, 14—16)

И все же позиция Воробьева полярно противоположна позиции Мармеладова Воробьев взывает к жалости собеседников «чуть ли не со слезами», при этом не имея никаких прав жаловаться «Боже мой! < > Какая обстановка! < > Да я-то тут при чем? Кому какое зло сделал? За что все это? < > Где мое оправдание?» (I, 131) У Достоевского исповедь Мармеладова носит характер самобичевания «Да! меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!» (6, 20—21)

Пошлость и фразерство Воробьева подчеркивается тем, что фразу об «оправдании» произносит он сам «Где мое оправдание?» (I, 131) У Достоевского же пассаж об «оправдании» Мармеладова принад-

⁹ По Ю Н Тынянову, «стилизация близка к пародии И та и другая живут двойною жизнью за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их < > При стилизации этой невязки нет есть напротив, соответствие друг другу обоих планов стилизуемого и сквозящего в нем стилизуемого» (Тынянов Ю Н Достоевский и Гоголь (К теории пародии) // Тынянов Ю Н Поэтика История литературы Кино М, 1977 С 201)

лежит нарратору: « . в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе *оправдание*» (6, 13—14). Кроме того, неоднократное повторение Воробьевым своих причитаний «в духе Мармеладова» практически слово в слово после каждой станции объясняется самим героем особенностями железнодорожной службы: «в каждом городе жена» (I, 131—132).¹⁰ Это также способствует развенчанию образа «страдальца».

Характер соотношения образов Воробьева и Мармеладова можно определить как криптопародию.¹¹ Связь между этими героями обладает меньшей степенью очевидности, носит скрытый характер. При сопоставлении образов выявляются существенные различия. Воробьев — это как будто «вывороченный наизнанку» Мармеладов. Если у Достоевского Мармеладов — это падший человек, которому можно посочувствовать, то у Газданова Воробьев — просто циник, пользующийся некоторыми фразами, конструкциями, интонациями Мармеладова. Возможно, это оказывается своеобразной формой полемической интерпретации Достоевского. По Газданову, как известно, смолоду отличавшемуся резкостью суждений и непримиримостью оценок, в реальной жизни Мармеладовы именно таковы, сочувствия они не заслуживают.

Перечисление «воровских» наклонностей Воробьева при его же «чрезвычайном благообразии» можно воспринимать как аллюзию на дебатлируемую в «Идиоте» тему: «может ли честный человек быть вором?». Подобное преломление темы воровства получает свое развитие и в рассказе Газданова «Черные лебеди». Анализируя это произведение, С. А. Кибальник отмечает, что слова Павлова о том, что он «раньше был вором» и что «большинство людей воры», заимствованы им «из репертуара Фердыщенко»,¹² утверждавшего, что «на свете гораздо больше воров, чем неворов, и что нет даже такого самого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл» (8, 123).

¹⁰ Между прочим, в ответ на причитания Воробьева сослуживцы с насмешкой замечают «У тебя, брат, жена прямо клад () Не жена, а *Богородица вездесущая*» (I, 132) У Достоевского Свидригайлов сам говорит Раскольникову о своей молодой невесте « у ней личико вроде Рафаэлевой *Мадонны* () *у мадонны-то, личико зарделось*» (6, 369)

¹¹ Понятие «криптопародии» использовал Р Г Назиров в работе «Достоевский и Чехов Преемственность и пародия» применительно к рассказу Чехова «Слова, слова и слова» (1883) Исследователь счел его снижающей криптопародией на вторую часть романа Достоевского «Записки из подполья» Чехов, по мнению Назирова, осмеивает «пошленную тему спасения падших женщин», дедраматирует трагизм подполья (*Назиров Р Г Русская классическая литература (Сравнительно-исторический подход)* Уфа, 2005 С 159—168)

¹² *Кибальник С А* «Новые узоры по старой канве» (Рисики Достоевского у Газданова) // Достоевский Материалы и исследования СПб, 2007 Т 18 С 247

Некоторые параллели выявляются и между Воробьевым и Фердыщенко. О Воробьеве сказано, что он мог «обокрасть *своего же соседа*», украл у рассказчика, *своего сослуживца*, «коробку с тысячей папирос» (I, 130). Фердыщенко же рассказывает о том, как украл деньги в доме *своего приятеля* Ищенко. Некоторое сходство героев проявляется и в их отношении к женщине. Когда одна из «*служанок и подметальщиц*» бронепоезда отвергла Воробьева, то тот «написал на нее донос, обвинив ее в социализме» (I, 130). Женщину арестовали и отправили по этапу У Достоевского в краже, которую совершил Фердыщенко, обвинили служанку Дарью. Женщину «согнали на другой же день» (8, 124). Фердыщенко признается, что «особенного угрызения совести () ни тогда, ни потом не чувствовал» и даже сам убеждал служанку, чтобы та «повинилась» (8, 124). При всей разности ситуаций все же просматриваются общие моменты — ложное обвинение и незаслуженное наказание женщины.

Газданов так описывает «деятельность» своего героя «Воробьев занимался тем, что воровал в соседних товарных составах сахар и мануфактуру, а однажды ухитрился, маневрируя ночью на паровозе, увести из поезда генерала Трясунова, командующего фронтом, новенький желтый вагон второго класса» (I, 131). В «Идиоте» генерал Епанчин рассказывает о своем денщике Никифоре, который в заботах о хозяйстве «копил, зашивал, скреб и чистил, и даже *везде воровал все что мог стянуть, чтобы только в доме приумножить*» (8, 125). В поступках Воробьева прослеживается некоторое сходство с «деятельностью» Никифора. Однако у Достоевского Епанчин прибавляет к своей характеристике Никифора «*вернейший и честнейший был человек*» (8, 125). У Газданова же Воробьев, наоборот, — «потенциальный» предатель «Он мог подвести товарища под суд () и, уж конечно, в трудных обстоятельствах выдал бы всех» (I, 130—131). Таким образом, по Газданову, по-настоящему честный человек не может быть вором. Происходит ироническое переосмысление идеи «честного воровства»¹³. Примечательно, что и в этом, так сказать, «умении» Воробьева улучшить свое материальное благосостояние проявляются черты Федора Павловича Карамазова, который был из того типа «бестолковых, которые умеют отлично обделывать свои имущественные делишки, и только, кажется, одни эти» (14, 7).

¹³ Однако и у Достоевского тема «честного вора» решается далеко неоднозначно. В «Идиоте» она развивается посредством еще двух образов. Келлер, пришедший к князю Мышкину «на исповедь», чтобы после занять денег, «объявил, что он до того было потерял „всякий призрак нравственности“ (единственно от безверия во Всевышнего)», что *даже воровал*» (8, 256). Генерал Иволгин, укравший у своего приятеля Фердыщенко бумажник, по предположению князя, умер от раскаяния за свой поступок. Есть у Достоевского и рассказ, уже самим своим названием отсылающий к данной теме, — «Честный вор» (1848).

Так называемое «многоженство» Воробьева «В каждом городе жена, дорогие, в каждом городе» (I, 132) — возможно, в какой-то степени отсылка к другому герою Достоевского — Николаю Ставрогину, его тайному браку с Марьей Тимофеевной Лебядкиной и сложным взаимоотношениям с Елизаветой Николаевной Тушиной. Повествование о «бронепоездных негодях» герой-рассказчик «Вечера у Клэр» завершает упоминанием о «романе» «главной кухарки офицерского собрания (), немолодой и хромой женщины» (I, 134—135) ¹⁴ Этот эпизод можно рассматривать как еще один намек на главного героя «Бесов» и его женитьбу на «хромоножке» Лебядкиной.

В образе Воробьева интересное преломление получает «железнодорожная» тема ¹⁵ О герое сказано, что он «бывший начальник какой-то маленькой железнодорожной станции» (I, 130). В «Идиоте» Лебедев, толкуя Апокалипсис, признает «звезду Полюнь», замутнившую «источники жизни на земле», сеть железных дорог, распространившихся по Европе (8, 309). На это Ганя, в сильном раздражении, отвечает «Выходит, по-вашему, что железные дороги прокляты, что они гибель человечеству, что они язва, упавшая на землю, чтобы замутить „источники жизни“?» (8, 310) ¹⁶ Должно быть, не случайно Газданов делает «бронепоездного негодяя» Воробьева причастным к железнодорожной службе и в мирное время ¹⁷

Размышления героя-рассказчика о том, «почему женщины нередко отдают предпочтение негодьям», приводят его к мысли, «что негодья более индивидуален, чем средний человек, в негодье есть что-то, чего нет в других, () каждое, или почти каждое, качество, доведенное до последней своей степени, перестает рассматриваться

¹⁴ Возможно, также, что это неатрибутированная аллюзия на «Братьев Карамзовых», где в житии старца Зосимы упоминается «*хромая и пожитая*» кухарка Афимья (14, 261), которую продали за шестьдесят рублей.

¹⁵ О «железнодорожной» теме в «Вечере у Клэр» см. Яблоков Е. А. Железный путь к площади Согласия («Железнодорожные мотивы» в романе «Вечер у Клэр» и в произведениях Булгакова) // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 148—174.

¹⁶ Исследователи так комментируют эпизод толкования Лебедевым Апокалипсиса «Высказываясь против „научного и практического“ настроения человечества XIX в., — настроения, символом которого являются железные дороги (), Лебедев отзывается на спор между А. И. Герценом и В. С. Печериным () Солидаризируясь с () Печериным, Лебедев в романе выступает против герценовской веры во всеислие научного знания. Подобно Печерину он защищает религию как необходимую основу нравственной жизни общества» (9, 393).

¹⁷ Ср., например, ремарку В. Порудоминского, обратившегося к особенностям решения «железнодорожной» темы в творчестве Толстого «В легенде „Разрушение ада и восстановление его“ Толстой рассказывает, как Вельзевулу удается восстановить ад, разрушенный учением Христа () Адскому в тадыке помогают в этом дьяволы всех видов и ведомств () Среди них и дьявол путей сообщения» (*Порудоминский В. О Толстом*. СПб., 2005. С. 227).

как обыкновенное свойство человека и приобретает притягательную силу исключительности () Женщины любили палачей, и исторические преступления, совершенные сотни лет тому назад, до сих пор не утратили для них своего волнующего интереса, и почему не предположить, что Воробьев — это *миниатюра грандиозных преступлений?*» (I, 130—131) Пассаж отсылает читателя уже к роману «Преступление и наказание», здесь в полной мере проступает философия Раскольникова с его делением людей на разряды «обыкновенные» и «необыкновенные»¹⁸

Наделяя Воробьева чертами героев Достоевского, включая в свой текст отсылки к различным его произведениям, Газданов, с одной стороны, как будто «облегчает себе задачу», отчасти пользуясь при создании своего образа уже готовым материалом С другой стороны, этот метод дает ему возможность выразить свое отношение к жизни через стилизацию и пародирование образов Достоевского¹⁹ Воссоздавая в образе Воробьева «миниатюру грандиозного», Газданов в действительности рисует убогого, жалкого «негодяя», отнюдь не наделенного какими бы то ни было «исключительными» качествами Этот сниженный, полемический по отношению к Достоевскому образ оказывается для Газданова своеобразным «орудием борьбы» с ним

Еще одним своего рода «бронепоездным негодяем» можно с определенными оговорками считать Копчика «Но самым удивительным человеком, которого я видел на войне, был солдат Копчик, внешнее отличие которого заключалось в его *непобедимой лени Он ненавидел всякую работу, все делал с величайшим трудом и вздохами* () Он всегда жил, как-то *скрываясь*» (I, 133)²⁰ Отдаленно Копчик напоминает «подпольного человека» Достоевского, одной из основных черт которого является его «сознательная инерция» (5, 121) « *инерция*

¹⁸ Примечательно упоминание Газдановым образа «Раскольникова, сравнивающего себя с Наполеоном», в программной статье 1964 г «О Чехове» (*Газданов Г О Чехове С 314*)

¹⁹ Ср *Кибальник С А 1*) Газдановский вариант Кармазинова (О пародийном изображении Тургенева в романе Газданова «Полет») // И С Тургенев Вчера, сегодня, завтра Орел, 2008 С 126—133, 2) Роман Газданова «Полет» как гипертекст // Культура и текст Культурный смысл и коммуникативные стратегии Барнаул, 2008 С 44—55

²⁰ Некоторое сходство обнаруживается между Копчиком и героем «Записок из Мертвого дома», Сироткиным Если Копчик назван «самым удивительным человеком» (I, 133), то о Сироткине сказано, что он «еще с первых дней () острожного житья () возбудил () *особенное любопытство*» (4, 38) Горянчикова Как и Копчик, Сироткин раньше был солдатом и весьма тяготился службой «Горько мне уж очень под конец по некрутству стало () И так тошно, тошно мне стало!» (4, 39—40) Героев сближает также такое качество, как лень Сироткин был «приметно ленив», «в нерабочее время он обыкновенно скитается по чужим казармам, все почти заняты своим делом, одному ему нечего делать» (4, 39)

задавила. Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания — это *инерция*, то есть *сознательное сложа-руки-сиденье*» (5, 108); «...мне скучно, а я *постоянно ничего не делаю*» (5, 123) Герой рассуждает: «О, если б я *ничего не делал* только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть *лень* я в состоянии иметь в себе (...). Вопрос кто такой? Ответ: *лентяй*; да ведь это преприятно было бы слышать о себе. (...) „Лентяй!“ — да ведь это званье и назначение, это карьера-с» (5, 109). В пассаже Газданова о Копчике это свойство подпольного человека выведено в гипертрофированном виде. Копчик становится как бы реализацией «мечтаний» героя «Записок из подполья».²¹

Оба героя уходят от реальной жизни «в мечты». О Копчике сказано. «...что работа мешала ему жить в праздности и *мечтать* — что он любил больше всего на свете, это он знал превосходно» (I, 133—134). Герой Достоевского признается: «Мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в свой угол» (5, 132). Герой-рассказчик «Вечера у Клэр» недоумевает о предмете мечтаний сослуживца-сибарита: «Я не знал, способен ли Копчик совершить хоть ничтожный поступок, но который бы каким-нибудь образом показал, что он думает, чем он живет и что составляет предмет его долгих размышлений, наполняющих обычное его безделье» (I, 134).²² У подпольного человека Достоевского предмет мечтаний на первый взгляд вполне определен: героические подвиги, любовь, капитал и пр. Однако при этом герой Достоевского — человек страдающий, неудовлетворенный своим положением:²³ «Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье! (...) Эх! да ведь я и тут вру! Вру, потому что сам знаю, как дважды

²¹ Р. Г. Назиров в работе «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (К концепции полифонического романа)» связывает «мечтательство» героев Достоевского с понятием «эстетического жизнетворчества» «Достоевский придал романтической жажде иллюзии реалистическую мотивировку. Очень важно то, что эта особая порода добровольных безумцев (...) резко отличается от романтических энтузиастов весьма существенной чертой: она живет не ради искусства, а искусственно, т. е. сочиняя себе иллюзорную жизнь» (см. Назиров Р. Г. Русская классическая литература С. 134—149).

²² Эта абсолютная «непроницаемость» внутреннего мира героя также сближает его с Сироткиным, который был «довольно загадочное существо во многих отношениях (...) О чем он мог думать, трудно было себе и представить» (4, 38—39). Наконец, о Копчике сказано «его небритый подбородок, слезящиеся глаза и вся фигура в обтрепанном и грязном френче и таких же штанах», со «свалывшимися волосами» (I, 133—134). Сироткин также не отличается чистоплотностью «ходил неряхой» (4, 39).

²³ Ср. слова самого Достоевского «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самонаказании, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!» (16, 329).

два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!» (5, 121) Подвергая позицию «подпольного человека» пародийному переосмыслению, Газданов выводит в своем герое тип крайне сниженного «мечтателя», которого совершенно устраивает его положение и который всеми силами старается его сохранить²⁴ Газдановский персонаж даже не способен испытывать чувство страха «Лень этого солдата была в нем неизмеримо сильнее, нежели страх смерти, — потому, что смысла опасности он до конца не понимал» (I, 133)

При этом Копчик наделяется Газдановым некими «нечеловеческими» чертами После истории Копчика о водяном, которую он рассказал смертельно раненному наводчику, чтобы «приободрить»,²⁵ герой-рассказчик признается « у меня стало *странно на душе и смутно* < > было в этом солдате *что-то нечеловеческое и нехорошее*, что я хотел бы не знать» (I, 134) Это «нечеловеческое и нехорошее» можно воспринимать как аллюзию на «демоническую» сторону человека, мастерски запечатленную Достоевским,²⁶ а ремарка

²⁴ Ср толкование Э М Жиликовой понятия «мечтательство» в эстетике Достоевского «Достоевский показал ограниченность и односторонность мечтательства, являвшегося способом бегства от жизни в уединение личных интересов, формой болезненной самозащиты, амбиции, нарушением гармонии и разрушением личности, превращением ее в „подпольного человека“» (Достоевский Эстетика и поэтика Словарь-справочник / Сост Г К Щенников, А А Алексеев Челябинск, 1997 С 97)

²⁵ В этой истории о водяном Копчик трижды употребляет словосочетание «слабое сердце» (I, 134) Такое «навязчивое» повторение заставляет предположить, что фразу «слабое сердце» в устах «мечтателя» Копчика можно воспринимать как неатрибутированную аллюзию на повесть Достоевского «Слабое сердце», которая, как отмечают исследователи, продолжает и развивает «одну из главных существенных тем раннего творчества Достоевского — *судьбы Мечтателя в обществе* < > Наличие в человеческой природе каких-то не познаваемых самим человеком потребностей, стремлений, никак не укладывающихся в „рациональные“ схемы счастья < >, было чутко угадано Достоевским „Слабые сердца“ — это прежде всего сердца более тонкие, чувствительные, чуткие к этим глубинным потребностям, не осознаваемым сердцами сильными Такая чуткость и ведет к саморазрушению, вот почему чуткое сердце оказывается слабым» (Достоевский Сочинения, письма, документы Словарь-справочник / Сост, науч ред Г К Щенников, Б Н Тихомиров СПб, 2008 С 172—173)

²⁶ Ср с амбивалентностью «демонических героев» Достоевского «В основу характерологии демонических героев писателя положена его концепция о необычайной сложности и противоречивости человеческой природы, сознания («Человек есть тайна»), сочетающих в себе начала добра и зла < > *Демонизм* как сила таинственная, бесовская, дьявольская проявляется в разобщении сильной и гордой личности с миром, в мятеже против Бога, он выражает состояние духовного кризиса, разрушения нравственной цельности, агрессию „красоты зла“, внутреннего выверта, что особенно ярко запечатлено писателем в образах Ставрогина, Свидригайлова, Ивана Карамазова» (Достоевский Эстетика и поэтика С 76—77) О Петре Верховенском как «демоническом типе», со-

героя-рассказчика: «...что я хотел бы не знать» — в какой-то степени выражает общую позицию Газданова по отношению к писателю В Копчике можно видеть снижающую криптопародию на «подпольного человека»: объект пародии не назван, но постоянно присутствует в тексте посредством скрытых отсылок и обнаруживается лишь с помощью специального анализа.

В выявленных существенных различиях между героями проявляется разница эстетических позиций Газданова и Достоевского. По Достоевскому, писатель должен все видеть, заглядывать во все тайные уголки человеческой души. С точки зрения Газданова, в человеке есть такие стороны, такие внутренние противоречия, в которые писателю не следует углубляться. Полемически интерпретируя идею Достоевского о «широкости» русского человека, в котором могут одновременно «уживаться» «благообразие» и порок, «воровство» и честность и пр., в своих «негодях»²⁷ Газданов выводит крайне упрощенных, односторонних людей, а вовсе не исключительных личностей. «Негодяи» Газданова отмечены чертами героев Достоевского, но при этом в их характеристике снята нота трагичности, нет накала страстей. Характер газдановской интерпретации тем, поднятых в творчестве Достоевского, во многом объясняет, почему Газданову оказался так близок Шестов,²⁸ цитирующий в своей книге письмо Страхова: «...все его (Достоевского. — Э А) романы () доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости».²⁹

Связи между героями Газданова и Достоевского проступают с разной степенью очевидности: Воробьев стилизован под Федора Карамазова; связь «Воробьев—Мармеладов» носит криптопародийный характер; Копчик предстает как пародийное воплощение идеала «подпольного человека» и т. д. Газданов активно использует образы Достоевского, но в то же время пародирует их, вступая тем самым в полемику с их создателем. При этом особое его внимание привлекают именно те образы, с которыми Н. Н. Страхов, разумеется без всяких оснований, сближал самого писателя: «Достоевский — это смесь Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым».

хранившем «ряд комических черт», см., например, в работе Р. Г. Назирова «Петр Верховенский как эстет» (*Назирова Р. Г. Русская классическая литература* С. 79—93)

²⁷ В галерею «бронепоездных негодяев» также входит студент Парамонов «третий негодяй», который, для того чтобы не ездить на фронт, «втирал себе в рану масло, не давая ей таким образом заживляться» (I, 132)

²⁸ С. А. Кибальник отмечает, что мысль об автобиографичности персонажей Достоевского могла быть позаимствована Газдановым из книги Льва Шестова «На весах Иова» (*Кибальник С. А.* 1) Газданов и Шестов // *Русская литература* 2006 №1 С. 218—226, 2) *Новые узоры по старой канве* С. 242—243)

²⁹ Цит. по *Шестов Л.* На весах Иова (Странствования по душам) М., Харьков, 2001 С. 116

Стилизуя и пародируя героев Достоевского, Газданов вместе с тем отчасти использует приемы «стилизации» и «пародии» самого Достоевского, выявленные Ю. Н. Тыняновым в повести «Село Степанчиково и его обитатели».³⁰ И творческая свобода Газданова по отношению к героям Достоевского явно зиждется на творческой свободе самого Достоевского в отношении Гоголя и его героев. Вот почему по существу споря с Достоевским, Газданов одновременно солидаризируется с ним как с художником

³⁰ Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь С 198—226 За эту мысль, которая требует рассмотрения в отдельной работе, благодарю С. А. Кибальника

С А КИБАЛЬНИК

«НОЧНЫЕ ДОРОГИ» ГАЗДАНОВА КАК РИМЕЙК «ЗАПИСОК ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Особое отношение Гайто Газданова именно к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского хорошо известно. В письме к Г. В. Адамовичу от 28 сентября 1967 г. он замечал «самое лучшее у него, мне кажется, это „Мертвый дом“». ¹ В передаче «Достоевский и Пруст», подготовленной для радиостанции «Свобода», озвучена та же точка зрения: «Есть, конечно, в том, что написал Достоевский, одна книга, которая стоит особняком {..} это „Записки из Мертвого дома“. Если бы Достоевский не написал ничего, кроме этой книги, место в истории русской литературы ему было бы обеспечено».²

Названные произведения уже были предметом «сопоставительного анализа» в специальной статье В. А. Боярского.³ Однако тема освещена автором далеко не полным образом, в работе немало довольно формальных сближений, не дается ответа на вопрос о том, сознательно ли Газданов ориентировался на Достоевского,⁴ не обра-

¹ Возвращение Гайто Газданова / Науч. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения М., 2000 С. 298

² Гайто Газданов Из «Дневника писателя» Три передачи на радио «Свобода» // Дружба народов 1976 № 10 С. 181

³ Боярский В. А. «Ночные дороги» Газданова и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского Опыт сопоставительного анализа // Электронный журнал «Исследовано в России» 2001 № 26, <http://zhurnal.apereklam.ru/articles/2001/0026.pdf> 273

⁴ Исследователь полагает, что «на этот вопрос без предварительного изучения рукописного наследия Газданова ответить невозможно», однако простое систематическое сопоставление двух произведений, предпринятое в настоящей